

Мариэтта Шагинян
Путешествие в Веймар
1914

ad marginem

Мариэтта Шагинян
Путешествие в Веймар

«Ад Маргинем Пресс»

1923

УДК 821.161.1Р+910.4
ББК 84(2)6+26.89

Шагинян М. С.

Путешествие в Веймар / М. С. Шагинян — «Ад Маргинем Пресс», 1923

ISBN 978-5-908105-22-4

«Путешествие в Веймар» (1923) — документальные очерки Мариэтты Шагинян (1888-1982) о ее восьмидневном летнем паломничестве по гётевским местам в преддверии Первой мировой войны. Молодая писательница проходит по улицам и живописным окрестностям Хейдельберга, Вормса, Франкфурта, Веймара и детально описывает свои впечатления: от звуков трогаящегося поезда и лиц прохожих до старинных башен Вормского собора и гравюр в доме Гёте. Путешествуя по местам рождения германской культуры, вспоминая произведения Шиллера и Гофмана, Бетховена и Вагнера автор рассуждает о немецкой ментальности, женском вопросе, крестьянстве и месте России в европейском историческом процессе. Несмотря на панегирический тон который в военные годы стал причиной отказа в публикации, Шагинян запечатлела старую культуру, стоящую на пороге мировой катастрофы, чем предвосхитила, как она отмечает в предисловии, идеи Шпенглера из знаменитого сочинения «Закат Европы». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1Р+910.4
ББК 84(2)6+26.89

ISBN 978-5-908105-22-4

© Шагинян М. С., 1923

© Ад Маргинем Пресс, 1923

Содержание

Предисловие	10
I	12
II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мариэтта Шагинян

Путешествие в Веймар

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Эмилий Метнер
Ок. 1910

*Дорогому другу
неизменно-любимому, —
Эмилю Карловичу
Метнеру¹*

¹ Метнер Эмилий Карлович (1872, Москва – 1936, Пильниц близ Дрездена) – критик, публицист, издатель, теоретик символизма. Родился в семье обрусевших немцев, брат знаменитого композитора Николая Карловича Метнера. Получил юридическое образование в Московском университете. В 1909 году вместе с Андреем Белым и Эллисом (Л. Л. Кобылинским) основал издательство «Мусагет», выпускавшее в основном стихи символистов и философские, религиозно-мистические произведения как отечественных, так и европейских авторов. Издательство просуществовало до 1917 года и оказало значительное влияние на развитие символизма в России. Шагинян и Метнера связывали сложные, вероятно не только платонические отношения ученицы и учителя. Посвящение Метнеру, который симпатизировал Муссолини и Гитлеру, в книге М. Шагинян 1923 года, скорее всего, послужило причиной того, что долгое время эти путевые заметки не переиздавались и не вошли в собрания сочинений писательницы. Подробнее об Э. Метнере и его влиянии на М. Шагинян см. исследование шведского ученого-слависта *Юнггрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера* / пер. с англ. А. В. Скидана; ред. А. В. Лавров. СПб.: Академический проект, 2001.

Джеймс Посселвайт

Портрет Иоганна Вольфганга фон Гёте. Гравюра (меццо-тинто) с портрета работы Джорджа Доу. 1828

Силуэт на обложке и силуэтный портрет Гёте верхом² взяты из «Альбома Веймарских силуэтов». Гравюры с шести рисунков Гёте воспроизведены со старого издания 1821 года «*Radirte Blätter, nach Handzeichnungen (Skizzen) von Goethe, herausgegeben von Schwerdgeburth, Weimar, 1821*»³, хранящегося в Петербургской публичной библиотеке⁴⁵.

² Речь идет об обложке первого издания 1923 года. См. наст. изд. С. 1, 2. – *Примеч. ред.* Далее под астерисками даются примечания автора, кроме особо оговоренных случаев, а под цифрами – затекстовые примечания Сергея Фофанова.

³ Объявление об издании (Kunstanzeige) Некоторые художники в Веймаре объединились, с дозволения господина государственного министра фон Гёте, дабы, основываясь на выполненных им собственноручно рисунках, издать серию пейзажей

Обложка работы Н. Е. Лансерэ^{6 7}

в виде гравированных листов. Пейзажи эти суть скорее замыслы и наброски, нежели вполне законченные произведения, и потому в гравюре стремились передать их с наибольшей верностью именно в этом качестве; ибо прекрасная и своеобразная манера видения и восприятия предметов, согласованность частей и завершенная осмысленность целого сообщают им несомненную и значительную художественную ценность. С благосклонностью господин государственный министр фон Гёте оказал предприятую и дальнейшее существенное содействие, снабдив каждый из шести листов, составляющих настоящий первый выпуск, поэтическим приложением, которое отчасти выражает то намерение, с каким он, как художник, создавал эти пейзажные изображения, отчасти указывает на обстоятельства, побудившие к их созданию, либо же раскрывает тонкий смысл, в них заключенный и сокрытый от поверхностного взгляда, но доступный внимательному созерцателю. Настоящий первый выпуск (уже готовый к рассылке), как было сказано, состоит из шести листов in quarto («в четверть листа»), или, точнее, малого фолиантного формата, заключенных в аккуратную обложку из цветной бумаги, и продается у нижеподписавшегося издателя в Веймаре по цене два саксонских талера или три флорина тридцать шесть крейцеров рейнских при оплате наличными. Каждый лист снабжен штемпелем – монограммой издателя. При приобретении шести экземпляров седьмой отпускается бесплатно. Письма и денежные переводы просят присылать с оплаченной пересылкой. Веймар, октябрь 1821 года. Карл Август Швердгебурт (1785–1878) – немецкий гравёр-живописец, придворный художник Веймарского двора Саксен-Веймар-Эйзенаха. Учился в Дрезденской академии художеств; работал в Веймаре и Дессау. Наибольшую известность получил благодаря портретным гравюрам с изображениями Иоганна Вольфганга фон Гёте и циклу листов, посвященных жизни Мартина Лютера.)

⁴ В Российской национальной библиотеке хранится более позднее переиздание этого альбома 1909 года. См. NLR01 009373935 16.31.6.11 *Goethe J. W. von. Radirte Blätter nach Handzeichnungen von Goethe / hrsg. von C. A. Schwerdgeburth. Wien: R. Waldheim, J. Eberle & C°. [1909].*

⁵ Гравюры с шести рисунков Гёте см. на обложке наст. изд., на с. 33, 57, 113, 123, 128. – *Примеч. ред.*

⁶ Лансере (Лансерэ) Николай Евгеньевич (1879–1942) – русский и советский архитектор, художник, график и историк архитектуры, участник объединения «Мир искусства». Сын скульптора Евгения Лансере и племянник Александра Бенуа. После 1917 года работал в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), преподавал, вел научную работу и занимался реставрацией памятников архитектуры. В 1930-е годы был арестован по обвинению в «антисоветской деятельности»; после освобождения смог вернуться к научной работе. Погиб в блокадном Ленинграде в 1942 году.

⁷ Здесь и далее сознательно сохранена устаревшая транслитерация по оригиналу в книге М. Шагинян. – *Примеч. ред.*

Открытка с фотографией Мариэтты Шагинян. 1920-е

Предисловие

Судьба моей книги «Путешествие в Веймар» не совсем обычна. Написанная в 1914 году, она восемь лет была обречена на вынужденное бездействие.

Сперва из-за войны. Журнал «Северные записки»⁸, принявший ее и продержавший два года, всё же не решился ее напечатать: книга была признана слишком германофильской. Потом пришла революция, и очередные вопросы сделали выход ее надолго несвоевременным.

Но за этот пробег лет вышел шпенгелеровский «Закат Европы»⁹. Тема о сумерках европейской культуры сделалась модной¹⁰. И книге моей, задуманной и написанной задолго до Шпенглера, задуманной не на ту же «тему», но, быть может, в одном и том же ключе (как сказал бы музыкант), посчастливилось наконец увидеть свет. И подобно тому, как выходят из тюрем узники с лицами слишком резкими, с опытом слишком напряженным, не разделенным и не подтвержденным никем за долгие годы одиночества, – книга моя кажется мне сейчас тоже слишком напряженной, отмеченной аномалией одинокого опыта и далекой от современного темпа.

Те из читателей, кого не отпугнет ее старомодная медлительность, увидят, что за восемь лет темы ее придвинулись к нам, а не отошли, сделались проблемами истории из проблем сознания. А чувство (тогда только предчувствие!) гибели современной Европы из субъективного авторского настроения стало настроением эпохальным¹¹.

⁸ «Северные записки» – литературно-политический ежемесячник, издававшийся в Санкт-Петербурге / Петрограде в 1913–1917 годах Софьей Исааковной Чацкиной; ближайшим сотрудником издательницы и фактическим редактором был ее муж Яков Львович Сакер. В издании публиковались А. Блок, А. Ахматова, И. Бунин, А. Ремизов, С. Есенин, М. Цветаева, Вяч. Иванов, В. Жирмунский и др.

⁹ Освальд Шпенглер (1880–1936) – немецкий философ, историк и культуролог, автор труда «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» (примеч. ред.: в других изданиях – «Закат Старого света»). Первый том книги («Образ и действительность») был опубликован в Мюнхене в 1918 году, второй («Всемирно-исторические перспективы») – в 1922 году. Русский перевод появился вскоре после выхода оригинала (т. 1 – М.; Пг., 1923), то есть параллельно выходу книги М. Шагинян. В своем сочинении Шпенглер разработал морфологическую концепцию истории, трактуя культуру как замкнутые «организмы», проходящие циклы рождения, расцвета и упадка; европейская («фаустовская») культура, согласно Шпенглеру, вступила в стадию цивилизационного распада. Книга оказала огромное влияние на европейскую интеллектуальную культуру межвоенного периода, философию истории, культурологию и консервативную мысль XX века, вызвав широкий резонанс в Германии, Франции и России. В русской культуре идеи Шпенглера активно обсуждались в кругах символистов, религиозных философов и марксистских критиков; особое значение они имели для осмысления кризиса европейской культуры после Первой мировой войны и революции.

¹⁰ Здесь Шагинян намекает на известный труд «Сумерки Европы», написанный русским публицистом, философом культуры и мыслителем русского зарубежья Григорием Ландау (1877–1941). Основой книги Ландау стала одноименная статья, впервые опубликованная в журнале «Северные записки» в 1914 году, в первые месяцы Первой мировой войны (М. Шагинян планировала опубликовать в этом журнале свои заметки о путешествии в Германию). В этом сочинении Ландау предпринял один из ранних опытов философско-публицистического осмысления европейского кризиса, связанного с войной, распадом культурной непрерывности и «моральным затмением» Европы. В отличие от Освальда Шпенглера, Ландау не рассматривал кризис западной цивилизации как фатально предопределенную гибель культуры, а видел в нем болезненную трансформацию европейского мира и переход к новым историческим формам. Книга получила известность в кругах русской интеллигенции, современными исследователями она рассматривается как один из наиболее значительных русских откликов на катастрофу Первой мировой войны и кризис европейского сознания первой половины XX века.

¹¹ Ср. тексты, посвященные переживанию кризиса европейской цивилизации и «конца культуры»: Нордау М. Вырождение. СПб., 1894, где декаданс трактуется как симптом культурной и психической деградации Европы; Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918, связывающий распад классических художественных форм с духовным кризисом европейского человечества; Ратенау В. К критике времени. Пг., 1914, и Ратенау В. Грядущие дни. М., 1922, посвященные кризису технизированной европейской цивилизации; Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Г. Зиммель. Избранное. Т. 1. М., 1996, интерпретирующий модернизм как распад органического единства культуры; Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1991, связывающий кризис искусства с кризисом европейского гуманизма. Общим для этих сочинений является восприятие рубежа XIX–XX веков как эпохи духовного истощения Европы, распада традиционных культурных форм и утраты целостного мировоззрения.

Я прошла пешком за несколько дней до объявления войны кусок средней Германии, по знаменитой Bergstrasse¹², где скоро суждено было загреметь пушкам. Целью моей было паломничество через город Лютера и Вагнера (Вормс) и место рождения Гёте (Франкфурт-на-Майне) – к месту высочайшего расцвета германской культуры, уютному и символическому городу-организму, Веймару. Пространственное продвижение *вдаль* должно было совпасть с проблемологическим продвижением *вглубь*, и явление «Гёте» – обозначиться в наивозможной для автора полноте.

Так родилась моя книга.

Мариэтта Шагинян. Павловск, 26 июля 1922 года

¹² Бергштрассе (нем. «Горная дорога») – исторический путь и культурно-географический регион в юго-западной Германии, проходящий вдоль западного склона Оденвальда между Дармштадтом и Гейдельбергом (Гессен – Баден). С XIX века «Горная дорога» воспринималась как один из символических ландшафтов «старой Германии» – страны романтизма, университетской культуры и гётеанской традиции; благодаря мягкому климату, склонам, покрытым виноградниками, и живописным средневековым городам этот маршрут европейская интеллигенция использовала для Bildungsreise (нем. «образовательное путешествие») и культурного паломничества.

I

Heidelberg

Хэйдельберг. Открытка нач. XX века

Бывают минуты в жизни человека – и народов – когда они пресыщаются самими собой. Такие минуты всегда сопряжены с неврастеническим моментом: человек (или народ) ищет потерять себя, отвыкнуть от себя на время, чтоб потом снова встретиться с собою, получить вкус к своему собственному.

Неврастения – это всегда потеря «самочувствия» и усиление вечного дурного, раздражающего и мешающего жить *себячувствия*¹³. Еще не пресытившийся индивидуальным, человек живет в благом, плотском, природном ощущении своего удельного *веса*, своей космической реальности; он надышал вокруг себя *свою* атмосферу, которая помогает ему двигаться и приспособливает к нему со всех сторон надвигающееся на него внешнее; она переваривает и перерабатывает это внешнее, служит средой, осуществляющей духовное питание и рост. Но вот выдохнутая вовне атмосфера слишком придышалась и потому перестала оказывать действие; она – как и всё чересчур использованное – «обездарила»; приостановка ее даров тотчас же останавливает творческие силы человека; ему кажется, что он попал в торричеллиеву пустоту¹⁴; и, как в пустоте, лишенный среды, он начинает прежде всего видеть и чувствовать *себя*. Свою

¹³ Неологизм М. Шагинян «себячувствие» семантически близок немецкому понятию Selbstgefühl, широкоупотребительному на рубеже XIX–XX веков и обозначающему органическое чувство внутренней, личностной и культурной цельности, активности и самополагания.

¹⁴ Торричеллиева пустота (vacuum Torricellianum) – безвоздушное пространство, возникшее в опыте ученого XVII века Э. Торричелли с ртутным барометром. Позже это выражение нередко употреблялось метафорически для обозначения духовного вакуума, внутренней опустошенности или кризисного состояния культуры.

тяжесть несет он теперь не как условие и подтверждение бытия, но как бремя¹⁵; смотрит не ею на мир, но постоянно и только извне на нее; а внешнее, не перевариваемое более в его обеспокоенной «среде», его «душе», его *πνεῦμα*¹⁶, – застревает вокруг него комками, виснет над ним, создает иллюзию раздражающей тесноты и стремительного падения плоскостей.

Тогда охватывают человека два соблазна: уединение и забвение. Но ни келья, ни опиум, ни столпничество, ни суета не вернут оголенному, томящемуся духу «самочувствия»; только личная культура, выросшая из сверхличного коллектива¹⁷ – из общины, партии, ордена, школы, – может отчасти заменить человеку его истощенную *πνεῦμα*¹⁸, создать для него вторую душу, т. е. искусственно выработанную в труде и усилии, развивающуюся от постоянного согласования с целым, творческую теплоту. Когда же и эта «вторая» душа истощается, человеку остается лишь снова одичать, перетасовать все карты, разложиться... *Der Mensch muss wieder ruiniert werden*¹⁹, сказал как-то Гёте Эккерману²⁰.

Всё это приходит мне в голову, когда я из своей маленькой, зеленоглазой и створчатой комнаты, похожей на внутренности гигантского позвоночного, смотрю вниз, в оживленную хейдельбергскую улицу. Косые чистые тротуары переполнены летней толпой – туристами, иностранцами, скушающими студентами летнего семестра и бегающими через улицу лысыми приказчиками. Кусочек Европы, тут собранный, тоже болен неврастений; он лечится суетой, но эта суета бесплодна и бестворчественна; да и в самом лечении – такая усталость и нежелание выздороветь, что, кажется, только от лени люди не восклицают еще: «Горы, падите на нас!»²¹

– Вот так мы и доживем до второго потопа, – словно отвечая на мои мысли, говорит Frau Besck, с неодобрением поглядывая на улицу через мое плечо.

Она принесла мне чисто вычищенный дорожный рюкзак и тут же начинает его укладывать, аккуратно заворачивая каждую мелочь в бумагу. У нее широкое коричневое лицо; крупные голубоватые морщины, лежащие резкими, но приятными линиями; маленькие умные

¹⁵ Характерное для философии и культуры рубежа XIX–XX веков переосмысление бытия как «тяжести» и испытания. У Ф. Ницше этому соответствует образ «духа тяжести» (*нем. Geist der Schwere*), противопоставленного жизненной полноте и творческому самоутверждению; у Г. Зиммеля – переживание культуры как системы объективированных форм, подавляющих живую субъективность; у О. Шпенглера – восприятие цивилизации в стадии разложения и утраты органической жизненности. В библейской традиции близкий мотив связан с новозаветной темой «бремени» как духовной ноши и пути: «ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:30). В контексте модернистской культуры подобная формула обозначает переход от восприятия бытия как полноты и подтверждения жизни – к переживанию его как исторической, духовной и экзистенциальной тяжести.

¹⁶ *Πνεῦμα* (*греч.* «дыхание», «дух», «дуновение») – ключевое понятие античной и христианской философской традиции. В стоицизме *πνεῦμα* обозначало жизненное дыхание и одушевляющий принцип космоса; в христианской традиции – духовное начало, соотносимое с понятием Святого Духа.

¹⁷ Концепции «сверхличного» духовного единства: *нем. Überpersönliches* («сверхличное») в философии культуры и неокантианстве; *Volksgeist* («дух народа») у И. Г. Гердера; *Gesamtgeist* («общий дух») и *überindividuelle Einheit* («сверхиндивидуальное единство») у представителей философской традиции философии жизни и культурфилософии начала XX века; *Gemeinschaft* («общность») у Ф. Тённиса, противопоставленной современному атомизированному обществу (*Gesellschaft*). В русской религиозно-философской традиции близкую функцию выполняют понятия «соборности» у А. С. Хомякова, «всеединства» у Вл. Соловьёва, «симфонической личности» и «сверхличного сознания» у мыслителей Серебряного века и символистского круга (Вяч. Иванов, С. Булгаков, Н. Бердяев); ср. также у Вяч. Иванова идею «хорового» или «соборного» начала культуры как одного из способов спасения от распада, которым грозит стремление к обособлению и крайнему индивидуализму в современном обществе. Общим для этих концепций является стремление преодолеть кризис индивидуализма через идею органического духовного единства культуры, народа или человечества.

¹⁸ См. примеч. 13.

¹⁹ Человеку надобно снова разложиться.

²⁰ Иоганн Петер Эккерман (1792–1854) – немецкий писатель, поэт и литературный секретарь Гёте в последние годы его жизни. Наибольшую известность получил благодаря книге «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» (1848), важнейшему источнику по биографии, эстетике и мировоззрению Гёте. (*Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни* / пер. Н. Ман. М.; Л., 1934.)

²¹ Аллюзия на Апокалипсис: «И говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца» (Откр. 6:16); ср. также: «Тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас!» (Лк. 23:30). В библейской традиции формула связана с мотивом Страшного суда и предельного ужаса перед концом мира; в культуре рубежа XIX–XX веков она нередко использовалась как образ цивилизационной катастрофы.

глаза; седые волосы, трогательно собранные сзади в жидкую косицу; сухие руки и широчайшие ступни, которыми она ходит с сердитой осторожностью, как по мосту, и, ступая, ставит их носками внутрь. Жильцов своих Frau Beck опекает и наставляет, как собственных детей, фотографии которых повешаны и у меня: все такие же широколицые франконцы с усиками и в бородавках.

Беря со стола огромную карту проезжих дорог от Хэйдельберга до Веймара, наклеенную на полотно и складывающуюся квадратиками, Frau Beck задумчиво качает головой. Мое путешествие, которого я жду с таким радостным, почти влюбленным нетерпением, она считает затеей неосновательной. Несколько сот километров пешком! И куда: в северный Веймар, когда тут, в Бадене, слава богу, уже поспевают виноград, а погода... как бы не сглазить. Конечно, если Frau Мама ничего не имеет dagegen²², то ей, старухе, остается только умолкнуть. Я гляжу, как она качает седым комочком волос, и мне вспоминается другая такая же старуха в ночном халате, чепце, должно быть в папильотках (тогда носили локоны) и со свечою в руке, отговаривавшая некогда молодого Гёте в том же самом Хэйдельберге от поездки в тот же самый «северный Веймар».

Надеваю пушистую лепешку, которую Frau Beck не удостоивает названия шляпы, и иду прощаться с Хэйдельбергом.

«Alt-Heidelberg, du feine, du Stadt an Ehren reich»²³, – поется в песенке Шеффеля²⁴. Чистые хэйдельбергцы, а особенно молодые немцы, имеющие счастье быть членами знаменитого «Рупрехтского университета»²⁵, все чуть-чуть высокомерны. Нигде нет такой любви к своему городу, как в Германии, и особенно замечаешь это в Хэйдельберге. Но каждый старинный германский город – почти личность; у него не только собственный, ни с каким другим не сравнимый пластический образ, но и возрастное углубление, осмысление черт этого образа, их живое объединяющее действие на всю городскую общину и такие интимно-мечтательные (при всей их мужественности) традиции, что чувствуешь в них зародыш будущего мифа.

У Хэйдельберга есть тоже свое лицо и своя мифическая тайна. Мохнатый, зеленый, многолапый город с заостренными оконечностями, он упорно, по-змеиному, восстанавливался, переварив алеманнов, франков, римлян, выдержав французское господство²⁶, пережив пфальцских графов и поднимая над тихим Некаром свою громадную голову-замок. В Хэйдельберге осталось что-то языческое и змеиное; по-немецки это «она» – старая и тонкая Heidelberg; в планировке ее, если смотреть, например, на старинную гравюру Мериана (от 1645 года)²⁷, действительно есть нечто напоминающее свободно скрученное тело змеи. Город расположен по обе стороны Некара, крутясь вокруг него мостами и холмами, потом сразу поднимает горную шею,

²² Против (нем.). – Примеч. ред.

²³ Тонкий, старый Хэйдельберг, ты город, богатый славою (нем.).

²⁴ Начало одной из самых известных немецких студенческих песен о Гейдельберге, восходящей к поэме Йозефа Виктора фон Шеффеля (1826–1886) «Зекингенский трубач» 1854 года.

²⁵ «Рупрехтский университет» – сокращенное название Гейдельбергского университета Рупрехта и Карла, старейшего университета Германии, основанного в 1386 году курфюрстом Рупрехтом I Пфальцским и реорганизованного в начале XIX века герцогом Баденским Карлом Фридрихом. В XIX – начале XX века Гейдельбергский университет – один из важнейших центров немецкой культуры, романтизма, неокантианства и исторической науки; с ним были связаны Г. В. Ф. Гегель, К. Ясперс, М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Крейцер и др.

²⁶ В XVII–XVIII веках Гейдельберг и Пфальц неоднократно подвергались французским вторжениям, прежде всего во время войны Аугсбургской лиги (1688–1697). В 1689 и 1693 годах французские войска Людовика XIV разрушили значительную часть Гейдельберга, включая знаменитый Гейдельбергский замок. Кроме того, под «французским господством» подразумевалось также эпоха Наполеоновских войн, когда большинство территорий германских государств находилось под протекторатом Франции, под эгидой которой был сформирован так называемый Рейнский союз (1806–1813).

²⁷ Речь идет об одном из городских видов Гейдельберга, выполненных швейцарско-немецким гравером и издателем Маттеусом Мерианом Старшим (1593–1650) и опубликованных в его знаменитой серии Topographia Germaniae. Изображение Гейдельберга вошло в том Topographia Palatinatus Rheni et Vicinarum Regionum (Франкфурт-на-Майне, 1645), содержащий панорамы городов Пфальца и Рейнской области.

увенчанную развалинами грандиозного прямоугольного замка. Городские внутренности его кишат людьми, пропитаны запахом табака и пива, шумят деревьями; но шея и замок тихи и придают своей облагороженной, тяжелой тишиной всему городу какое-то разрешающее спокойствие: точно всё движение и весь шум, втягиваемые городом вверх, останавливаются и застывают у нерушимых пределов этого вечного замка. Оттого-то в вытянутом теле Хэйдельберга есть музыкальность, несмотря на его неравномерную массу.

У Хэйдельберга имеется маленький домовый, карлик Перкео²⁸, который всю жизнь провел во чреве замка – у огромной винной бочки в подвале, – высосав ее ко дню своей смерти. Замок не выпустил обратно этого блаженного пьяницу, чтоб не нарушить своего благообразия; карлик стоит внизу, близ «царь-бочки», в виде маленького каменного изваяния с лицом не то Диогена, не то сатира, дожившего до Средневековья и кем-то шутки ради посвященного в рыцари, и держит пустой бокал. Мудрая змеиная Хэйдельберг затаила свое юродство внутри, превратила его в служебную магию из мага, требующего служения, – и карлик Перкео стал ручным домовым хэйдельбергцев и ночным дядькой их детей.

Был уже вечер, когда я, побывав в университете и русской читальне, взошла на старинный мост Карла-Теодора²⁹, соединяющий старый Хэйдельберг с великолепно обстроенной вилами гористой новой частью. На середине моста я остановилась: закат и замок были позади меня. Заход солнца, как и смерть, придает материи особую иллюзорность, снимает ее тяжесть, приближает к таинственной прозрачности, напоминающей о времени, когда мы все «изменимся во мгновение ока»³⁰. Оглянувшись на тихий замок, я опять пережила это таинство опрозрачения материи: город передо мною как будто курился в золотом дыму, уплывая своими легкими, ласковыми, лапчатыми очертаниями в облака, похожие на перистых рыб. Некар на закате тоже приподымается из водной чаши. Вспененное закатом пространство вот-вот потечет мимо земли, туда, где по детской географии должны быть райские сады, – но в розовую пену капает грузное красное солнце, и всё оседает внизу. Город и небо уплотняются; Некар, серея и старея, морщится под набежавшим ветром; а по нему, махая веслами, как крыльями, и упирая ноги в бревенчатое дно, плывет узкий, розовый, полуголый studiosus, подставляя ветру свою спортсменскую спину в красно-голубом трико.

²⁸ Перкео (ок. 1702–1735) – легендарная фигура Гейдельберга, карлик и придворный шут курфюрста Карла III Филиппа Пфальцского. Согласно преданию, Перкео служил хранителем знаменитой Большой винной бочки в Гейдельбергском замке и прославился пристрастием к вину. Его прозвище происходит от итал. «Perché no?» («Почему нет?») – якобы постоянного ответа на предложение выпить.

²⁹ Карл-Теодор-Брюкке, или Старый мост Гейдельберга, – каменный мост через реку Неккар, построенный в 1786–1788 годах по распоряжению курфюрста Карла Теодора Пфальцского (1724–1799).

³⁰ Ср. со Священным Писанием: 1 Кор. 15:51–52: «...не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе». В новозаветном контексте речь идет об эсхатологическом преображении человека и мира в момент воскресения мертвых и Страшного суда.

II Bergstrasse

Бергштрассе. Открытка нач. XX века

Так и есть, Frau Besk сглазила погоду. Заспанное, понурое небо, тяжелая мокрота внизу и самый безнадежный туман, пахнувший мокрой псиной; но это еще усиливает раннюю рань часа, в который я выхожу из дому, и мне по-особому нравится. На мне короткий мохнатый дождевой плащ с кармашками и пуговицами, которые восхитили бы самого придирчивого подростка, толстые башмаки, подбитые гвоздями, – и за спиною рюкзак; я несу его на продетых по плечам ремешках, совсем не замечая его тяжести. Путь мой идет по Новому мосту через Некар, в Neuenheim³¹, за которым начинается знаменитая длинная Bergstrasse, соединяющая Хэйдельберг с Дармштадтом, затем с Франкфуртом-на-Майне. Туман скрывает от меня замок и город. Некар не по-вчерашнему сумрачно-грязен и заходит под мост, пофыркивая и сопя, словно страдающая одышкой.

Гулко постукивают мои башмаки по камням, и я отдаюсь знакомому чувству вневременности. Земля – одинакова; попадающиеся люди одиноки и тоже кажутся одинаковыми; века перекатываются, словно колеса машины, стоящей на одном и том же месте; история человечества кажется сном; все различия, все ощущения длинной ленты годов исчезают, и видишь себя в прошлом и будущем сразу, или, вернее, видишь прошлое и будущее в себе, словно один неуходящий миг, только мигающий, как неподвижная звезда, разными отсветами: не так ли бродили христиане в Палестине, софисты в Греции, романтики в Германии – вчера, позавчера, третьего дня? Не те же ли плыли над ними пространства и дышали под ними земляные запахи?

³¹ Нойенхайм – исторический район Гейдельберга, расположенный на северном берегу Неккара напротив Старого города. В начале XX века район стал одной из наиболее престижных частей города, тесно связанной с университетской средой.

В этом – огромный соблазн бродяжничества; оно вырывает из истории, из работы, из племени, насыщая человека густой эссенцией «земной памяти» – или, лучше, земного беспамятства. Земля, без конца увядая и восстанавливаясь, повторяет всё тот же типовой образ; и в типовой памяти этого образа длинная цепь существований переходит в стоячее чувство существования вообще; в этой памяти не загорается ни трагедии, ни тоски; она не ведаёт ни гибели индивидуального, ни божественной полноты личного, ни тоски по неповторяемому. Таким «вообще», ходячим растением, начинает чувствовать себя и странник. Из всех соблазнов мира странствование есть величайший.

Бергштрассе – великолепное тенистое шоссе; справа от него синеют горы и уходит Оденский лес³², слева лежит долина Некара. Все предместья пройдены. Вынимаю часы, карту, путеводитель по Бергштрассе, подхожу к каменному столбику со стрелками и цифрами расстояний и высчитываю «пульс» моего пешего движения. Он очень утешительный: более пяти километров в час. Простучавший мимо меня на мотоциклете стремительный турист, с обожженным лицом англосакса, делает мне приветственный жест рукой. Я поднимаю ответно правую руку. Солнце меж тем успело уже вынырнуть, освободясь от сглаза Frau Веск, и в сияющих мокрых лучах его благоуханно дрожат влажные леса, влажные пушистые травы, влажный щебень дороги.

Слева от меня лежат поля и луга с кое-где одиноко стоящими пышными фруктовыми деревьями. В этом году тут урожай диковинный. Абрикосы, сливы и яблоки кажутся издали словно усеянными тысячей розовых птиц, которые летели стаей, а потом спустились на дерево и нанизали каждый его дикий сучок. Груши с их балованной склонностью к живописному, которая у немцев особенно поощряется, тучнеют под массой огромных, еще неспелых плодов и, если бы не заботливо подоткнутые под каждый тяжелый сук палки, наверное надорвались бы. Пшеница тоже удалась на славу; вместо наших васильков она забрызгана кровавыми капельками маков, трепещущих по ветру, как бабочки.

С каждым шагом мое шоссе, обсаженное то буками, то грушами, открывает всё новые красоты. Горы висят справа, подходя ко мне лесом, мельницами, острой иглою церкви, развалинами замка, пробегающими веселыми домиками, полными цветов, детей и куриц; а с долины Некара веет жаркою влажностью, теплым солнечным паром, столбом стоящим над пушистой нивой и напоминающим о близости большой, нагретой солнцем реки.

Простые деревушки попадают на расстоянии полутора километров друг от друга; села (деревни с церквями – Kirchdörfer) – значительно реже. Тип немецких деревень очень отличается от русских; одна главная улица с тротуарами мощеная и по обе стороны ее тесный ряд чистых каменных домиков, большею частью двухэтажных. Если нет речки, то непременно повыворыня канава с текущей в ней темной зеленоватой водой; берега ее выложены камнями, приподняты, соединены мостиками. Улица пустынна: дети учатся, взрослые работают. Села немножко наряднее на вид и имеют свою крепко построенную, серьезную, некрасивую, по-стародевичьи целомудренную протестантскую церковь.

Прохожу мимо stadtschen Porphyrtwerk³³; еще за несколько минут слышу тяжелый равномерный периодический грохот.

В горном боку розоватая рана; громадная впадина, прорубленная людьми, раскрывает горное нутро, расцветенное жилами; по страшной высоте на большое расстояние протянуты сверху вниз железные канаты, по которым, плавно покачиваясь, прорезая воду, ползут бесчисленные вагончики; одни, без камня, поднимаются вверх, другие, с камнем, спускаются вниз.

³² Оденвальд (*нем.* Odenwald; в русской традиции также «Оденский лес») – лесной район в юго-западной Германии, расположенный между реками Рейн, Майн и Неккар на территории Гессена, Баварии и Баден-Вюртемберга. С XIX века Оденвальд занимал важное место в немецкой романтической культуре как образ «старой Германии», связанный с народными легендами и средневековыми преданиями.

³³ Городское каменотесное предприятие (*нем.*). – *Примеч. ред.*

Людей не видно: всё проделывают зубчатые колеса, машины, тачки; там, наверху, вагоны нагружаются грубыми кусками розового камня; внутри гигантской железной веялки они пересыпаются и крошатся, пока не выползают под неумолчную дробь колес просеянными розовыми массами вниз, по желобу, на землю.

Теперь мне попадаются частые прохожие: женщины с корзинами, мужчины с возами сена. У всех лапчатая походка, обветренные лица и прелестные голубые глаза, на первый взгляд свирепые; только взглядевшись видишь, что это не свирепость, а решительное добродушие с прибавкой легкой озадаченности и озабоченности. Этот особенный взгляд немецких крестьян встречался мне и раньше; я объясняю его себе абсолютным отсутствием рефлексии. Наши мужики, особенно из сектантов либо обладающих специфической славянской «интересностью»³⁴, глядят задумчиво и проникновенно; в мозгу их, как крот, всегда ковыряется дума; им незнакома короткая, режущая прямизна немецкого мужицкого взгляда. Немец думает, когда думает; а в остальное время он делает; в промежуток между нужным размышлением и проведенным делом глаза его принимают ту свирепую выжидательную озадаченность, которая укачивает на полупереход его мозгов из кинетического состояния в потенциальное. Попробуйте остановить такого свирепея; спрашиваю, далеко ли до Großsachsen³⁵; голубые глаза темнеют и мутнеют, по лицу проходит ясное и разумное внимание ко мне, и вот я получаю ответ, очень короткий, но совершенно точный и приветливый. Характерно, что тут вы вполне можете положиться на даваемые ответы и указания; несколько раз даже очень подозрительные и неожиданные для меня сведения о часах и дорогах совпадали с безукоризненностью печатного Führer'a³⁶; сомневающийся или незнающий вам не ответит вовсе. Отсюда то приятное чувство доверия – к себе, своему существованию и делу, – которым невольно заражаешься, пожив долго в Германии.

Миновала и Großsachsen; это деревушка с пленительным колодезем. Должно быть, вот у такого болтала когда-то нежная Гретхен³⁷ со своими строгими подругами. Деревянный, старый, свесивший вниз на канате бадью, с прозрачно-зеленым водным бассейном; он заплеснул по бокам, и зеленая плесень сползает на тихую воду, в которую, заунывно ворча, бежит из деревянного крана тоненькая, старинная, старомодная струйка.

Прохожу шумный торговый городок Weinheim³⁸, а время за полдень. В Зульцбахе³⁹ зашла передохнуть и напиться в маленькую деревенскую гостиницу. С улицы попадаешь в опрятную комнату, похожую на буфет железнодорожной станции. Всюду пусто. Кашляю и топчусь несколько минут, пока не является белокурая хозяйка и не выслушивает меня с полной и спокойной disrection⁴⁰ ко мне и моему необычному виду. Пью пиво, приглядываюсь к обстановке; странно, что в деревенских кабаках и виденных мною крестьянских избах нет никаких «народных» украшений: ни лубка, ни олеографий. Если и висит что на стене, так иной раз недурная фототипия; однако это редкость, и большею частью стены сплошь покрыты рекла-

³⁴ Здесь М. Шагинян подчеркивает характерный для европейской религиозно-философской и модернистской культуры рубежа XIX–XX веков интерес к России как к пространству «народной» религиозности и духовной цельности, противопоставляемой кризисной западноевропейской цивилизации. Показателен пример Лу Андреас-Саломе (1861–1937) и Райнера Марии Рильке (1875–1926), совершивших поездки в Россию в 1899 и 1900 годах. Во время пребывания в Москве Рильке познакомился с крестьянским поэтом Спиридоном Дрожжиным (1848–1930), чье творчество он воспринимал как выражение «подлинной» и «народной» Руси.

³⁵ Гроссаксен – деревня в северной части Горной дороги, ныне район города Хиршберг-ан-дер-Бергштрассе (земля Баден-Вюртемберг), расположенного между Гейдельбергом и Вайнхаймом.

³⁶ Путеводителя (нем.). – Примеч. ред.

³⁷ Аллюзия на образ Гретхен (Маргариты) – героини трагедии «Фауст» Гёте.

³⁸ Вайнхайм – старинный город в северной части Баден-Вюртемберга, расположенный между Дармштадтом и Гейдельбергом. В XIX – начале XX века Вайнхайм приобрел известность как крупный торговый и винодельческий центр.

³⁹ Зульцбах (Sulzbach) – старинное поселение в районе Горной дороги.

⁴⁰ Невозмутимость (англ.). – Примеч. ред.

мами, плакатами, расписаниями поездов и пароходов чуть ли не всех земных океанов. Эти несносные плакаты, иногда лишь с одним таинственным словом «Burhòlla» или «Lanodin»⁴¹, безнадежно непонятным, но настойчиво кем-то советуемым, попадают в самые глухие щели и гипнотизируют несчастного туриста своею коммерческой магией. Рекламы имеют в себе что-то от древних заклинаний: они часто с намерением бессмысленны, но они действуют.

Из Sulzbach'a дорога становится тяжелее. На плечах у меня уже полдня пути, рюкзак начинает давить плечи, ни живой души в это субботнее время на улице, и вдобавок начинает идти, именно идти, а не лить, неприятный, холодный, заунывный дождь, которому не предвидится конца. Я подняла капюшон, застегнула плащ и пошла вместе с дождем по направлению к Herrenchaim'u⁴². Две нарядные, похожие на подмосковные дачи деревушки прошла не останавливаясь. Постояла немного у пограничных столбов, отделяющих великое герцогство Баденское от великого герцогства Гессен-Дармштадского; столбы высокие, с изображением герцогских гербов; меж ними тоненькая межевая канавка, теперь чмокающая от дождя, точно длинные губы земли, сосущие влагу. Вот наглядное доказательство *жизненности* немецкой культуры: несмотря на такую, почти «идеальную» границу, несмотря на то, что шоссе, горные сини справа, сумрачные поля слева, всё это – продолжение одного и того же, Гессен с первых шагов поворачивает ко мне свое оригинальное лицо, совершенно отличное от Бадена. В Бадене была по всему ландшафту и манере приспособляться к нему разлита какая-то *herbe Qualität*⁴³ (как пишут на швейцарских шоколадках); было в нем крепкое, приземистое, хорошо разжеванное, плотно пригнанное, смышленное и твердое во всём, начиная с хозяйства и кончая щебнем дороги. Невыразимая грустная мягкость, красивость и загадочность (такие места во сне снятся) обняли меня с первых же шагов по гессенской земле. Деревья выросли, заструились ветвями в два ряда, по обе стороны дороги, и я заметила, что это уже не груши, а громадные липы, дубы и клены; шоссе выделило дорожку для пешеходов, коричневую и посвежевшую от дождя, изредка, то справа, то слева, украшенную скамьями; идти было мягче, и эта мягкость ощущалась и в земле, и в воздухе, и в нежных линиях полей, и даже в дожде, который вдруг зачирикал по-птичьи и пропал вовсе.

Сию в веселой гостинице предместья и ем баранину с неизменным блюдом вареного картофеля (неприятно пахнувшего сырой картофельной кожурой) и жидким, как тина, шпинатом. Зала довольно велика и сплошь уставлена прямоугольными коричневыми столиками без скатертей. За высокой стойкой краснощекая хозяйка с двумя подбородками, серебряными кольцами на пальцах и неплотно застегнутым лифом. Столики заняты субботними молодыми людьми – рабочими с фабрики; все пьют пиво, курят и дружелюбно улыбаются, встречаясь со мной глазами; лица интеллигентные, но робкие; нет смеющейся самоуверенности магдебуржцев, большинство которых социал-демократы. Прислуживают нам две хозяйские дочери, одна лет девятнадцати, другая подросток, в короткой юбке. Обе очень хорошенькие, с ямочками на щеках и с толковой грацией в движениях. Ведут себя развязно. Старшая, ставя рабочим пиво, задевает их локтем, протягивает через чье-нибудь плечо на другой край стола свою крепкую руку, толкает коленом чужие ноги, позволяет брать себя за талию. Младшая бежит с длинной лентой в руках за кошкой, но все ее усилия направлены к тому, чтоб загнать кошку под чей-нибудь столик; тогда она лезет туда же, цепляясь за ноги рабочих, громко хохочет, когда ее щиплют, и щиплется в свою очередь. Мамаша глядит на это с высоты своей стойки взглядом озабоченного управителя. Поведенье девушек, видимо, входит, как необходимый орнамент, в общий план трактирного хозяйства.

⁴¹ Скорее всего, это намеренно искаженные М. Шагинян названия фирм Lanolin, Byrolin, производивших косметические и дерматологические средства, популярные в Германии в начале XX века.

⁴² Хеппенхайм – старинный город в южной части Гессена.

⁴³ Букв. в переводе с немецкого «терпкое, терпкая горечь». – Примеч. ред.

Для меня немецкая женщина – проблема. У нее как будто нет своего лица, кроме лица Гретхен; она как будто никогда не цель, а лишь производительница, государственное средство; социальное положение ее в Германии невероятно низко. Но всё это на внешний взгляд. Стоит пожить в Германии долго, как перспективы медленно, но верно перемещаются. Видишь, что немка совсем не пассивна, совсем не забита; что она извлекает плюсы из своего социального принижения; что сама она весьма социальна на свой женский лад и, главное, что она представляет собой очень и очень внушительную силу, с которой не может тягаться никакая другая средневропейская женственность. Сила эта, насколько я понимаю, не личного, не душевно-духовного характера, но типового и даже кастового. Немецкие женщины образуют совершенно самостоятельную замкнутую касту; из этой касты вырастает косвенная, терпеливая, но непреодолимая мощь каждой женщины в отдельности; эта каста допускает и культивирует в своей среде несколько разновидностей, но разновидностей женских, а не человеческих: типа бакфиша⁴⁴, девушки, невесты, жены, матери, хозяйки, писательницы, старой девы... Каждый вполне закончен и стоит в связи с духом касты, даже когда он словно бунтует против него. Главная сила немецкой женщины – в ее несомненной половой одаренности. Она почти всегда обладает темпераментом и выносливостью. Воспитывают ее как будущую «жену», и поэтому она вырастает вне всякой проблемы греха; ее психология ясна, незапугана и односложна благодаря примитивной классификации половых отношений на необходимые и дозволенные (в браке) и на грешные и недозволенные (вне брака); повенчавшись, немка начинает определенно-ведомую (иногда в деталях, некоторым русским матерям незнакомых до самой их смерти), главнейшую для ее жизни усердную «службу», в которой она отнюдь не желает ударить в грязь лицом. И это не от какой-нибудь «развратности», как думают у нас некоторые, но от честности, той удивительной честности, которою отличается всякий немец на своем посту: она убеждена, что это – ее основное дело, что для этого она взята «за мужчину», приобрела общественное положение, дом, фамилию мужа, его средства и что муж не должен видеть себя обманутым, встретить в ней нерадивую или неумелую. Отсюда – главная привлекательность немецкой женщины. На дне ее души – своя особая глубина, свое «помазание»: непреклонное сознание себя женщиной, сознание *своей* нужности на *своем* месте.

Действия немки, при всей их энергии, никогда не личны: она действует с кастовой мудростью за душой, опирается на незримую армию тысячи тысяч своих сестер. Мать вступает за мать, жена – за жену, соседка – за соседку (Гретхен страдала не от сознания греха, но от разрыва с кастой, прегрешения против касты)...

Скажу тут еще несколько слов о внешности немки. Руки и ноги немки – важнейшее свидетельство того, что Германия не вырождается⁴⁵ и народ еще не обременен своей плотью. И ноги, и руки их, даже очень породистые (Гольбейн, Кранах), велики и неизменно узловаты; совершенство оконечностей всегда говорит о законченности всего расового образа; этот образ для немки еще не закончен, и трудно себе представить, до какой тонкости и пленительности он может еще дойти. Ее физическая жизненность очень повышена; эти большие ноги и большие руки (в связи с остальным длинным телом отнюдь не некрасивые) почти всегда теплы и влажны. Я не встречала ни одной немки, которая бы не потела, у которой не было бы мокрых подмышек; но это – основной признак здоровья, притом космический, зоологический признак, подобный мокрому носу щенка. Сила и выносливость немки удивительны; она поднимает тяжести не хуже мужчины и ест как он. С детских лет, воспитанием в семье и школе, она вся направляется по линии типового своего совершенствования. Культивируется ее тип, а не индивидуальность. И потому этот тип, который ныне нельзя уже смешать ни с каким дру-

⁴⁴ Backfisch – *букв. нем.* «мелкая жареная рыбешка, непригодная для приготовления полноценного блюда», разговорное обозначение девочки-подростка или юной девушки. В Германии XIX – начала XX века – устойчивый культурный термин (ср. Backfischliteratur – литература для девочек-подростков).

⁴⁵ Еще одна отсылка на труд Макса Нордау «Вырождение». См. примеч. 8.

гим, достигает своей высшей интимной остроты, становится сам по себе индивидуальностью, получает свое лицо. Отсюда долгий, но энергично выполняемый путь: *германская женщина становится личностью через совершенное усвоение своего типа*, а не через разрыв с ним, как мы, как француженки, как англичанки. *Лицо* германской женщины загорается на вершинах типового и тускнеет, теряется при всякой попытке строить свою индивидуальность вне типа. Хорошо это или плохо – не знаю. Но германцы – раса, которая еще при Таците «выглядела» расой⁴⁶; а Гёте сказал, что *глаз* был тем органом, которым он познавал мир (вспомним, что всё его естествоведение исходило из идеи *Tyris'a*⁴⁷), а теперешние немецкие антропологи по сию пору на стену лезут из-за белокуроści и черноволосости.

Мы, русские, буквально и фигурально строим нашу культуру на *обонянии*. Ведьма из сказки по *нюху* узнает чужое присутствие; «Там русский дух, там Русью пахнет», – сказал Пушкин; а Гоголь о поэмах Пушкина: «Чтоб быть доступну понимать их, надо иметь слишком тонкое обоняние»⁴⁸; православные теологи до сих пор делают «пахучесть» критерием ортодоксальности и ереси: «пахнет Лютером», «отдает св. Терезой» и т. д. Характерно, что все наши крупные литературные дарования, *видевшие* землю, например Гончаров, Толстой, не так зачитаны, как слепший при свете и гениальный лишь ночью, совершенно не описательный, не зрительный талант – Достоевский. «Записки охотника», прелестнейшая книга русского пейзажа и русской этнографии, заслонена разговорными и умственными романами Тургенева; гениальная эпопея русской духовной культуры, «Соборяне» Лескова⁴⁹, по сию пору не открыта. И природу-то у нас «чувствуют», а не видят. Вообще в России можно прожить без глаз и быть *тонким* человеком. Но для немца это невозможно. Немецкая тонкость – тонкость зрительная. Оттого-то для него «хотеть быть» нельзя без того, чтобы не «хотеть выглядеть»; определенное бытие, неуничтожаемая духовная реальность, – требует определенного образа, неуничтожаемой пластики. Отсюда культура типа, своего типа.

Кто хочет узнать женский германский тип в его полной прелести, пусть вспомнит акварельный портрет Шарлотты фон Штейн⁵⁰ работы Г. Мейера⁵¹ **ил.**⁵², карандашный рисунок

⁴⁶ М. Шагинян указывает на сочинение Публия Корнелия Тацита (ок. 56 – ок. 120) «О происхождении и местоположении германцев», или «Германия» (ок. 98 года), где он, в частности, пишет о германцах как об этнически и внешне однородном народе: «Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами». *Тацит К. Сочинения*. Т. 1: *Анналы*. Малые произведения / пер. А. С. Бобовича. Л.: Наука, 1967. С. 354.

⁴⁷ Типа (нем.). – *Примеч. ред.*

⁴⁸ См. статью Н. В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (1832).

⁴⁹ Эти воистину «живые души» к «Мертвым душам» Гоголя! Да еще с двумя чудными образами: нашего русского Аполлона (о. Туберозова) и нашего русского Диониса (дьяка Ахилла)!

⁵⁰ Шарлотта фон Штейн (1742–1827) – немецкая писательница и придворная дама в Веймаре, входившая в ближайший круг Гёте в 1770–1780-е годы. Их многолетняя переписка принадлежит к важнейшим документам веймарской классики и культуры позднего немецкого Просвещения.

⁵¹ Иоганн Генрих Мейер (1760–1832) – швейцарский художник, гравёр и теоретик искусства, близкий друг Гёте. За свои художественные таланты получил шутовское прозвище *Kunstmeyer* (Кунштмейер, буквально Искусномейер).

⁵² Здесь и далее, если рядом со сноской есть обозначение «**ил.**», ищите иллюстрацию рядом с соответствующим затекстовым примечанием. – *Примеч.*

ред.

Альбрехт Дюрер Портрет юной девочки. 1515

⁵³ Скорее всего, речь идет о рисунке А. Дюрера «Портрет юной девочки», хранящемся в Гравюрном кабинете в составе Государственных музеев Берлина. [См. ил.]

Дюрера «Junges Mädchen»⁵³ (1515 год) и, для более общего представления, «Венеру» Кранаха – некрасиво-прекрасное существо, самое таинственное из рожденных немецкою кистью и, на мой взгляд, полное не меньшего очарования, чем Джиоконда. Описывать их нет смысла; нужно видеть. Скажу только кое-что о лице. Шарлотта изображена en face, с наклоненной слегка к левому плечу головой, так что нежная правая щека более обращена к зрителю. Общегерманское в переносице, в пушистой прямизне бровей (редко лежащих у типичных немок по русскому кодексу красоты «дугою»), в широко расставленных, с неповторимой красотой разрезанных, томных глазах, не раскрывающихся, но как бы тихо «восходящих» на лице из-под век (подобно иллюзии «восходящего» неподвижного солнца). В этих склоненных, «из-под»-глядящих глазах есть что-то преимущественно матерински-любовничи-любовное, страшно интимное и в то же время типовое; томность их увеличивается неизменными, словно от слез или желанья проведенными, бледными, но не болезненными кругами. Возьмите портрет любой немецкой (но типичной!) девушки из крестьянок, бюргерок или аристократок – и вы увидите всё ту же, неопределимую словом, не личную, но национальную тайну выражения.

Кстати, о «матерински-любовничи-любовном»: это отнюдь не случайный изгиб, отнюдь не второстепенное свойство немецкой женской любви, поскольку оно вычитывается из лицевого типа, но что-то очень глубокое, сложное и важное. Помню, как меня поразили, словно внезапное открытие, два места из «Парсифаля» и из «Зигфрида» Вагнера. Оба героя-девственника, впервые охваченные стихией любви, влекутся к женщине, как к *матери*; первое сладкое слово, пронизывающее их биологически: «Ты – моя *мать*?» Ясно, что женщина открывает им прежде всего не лицо, не психею, но лоно; становится в этот миг «вообще женщиной»; но ведь из этого «вообще» возникло бытие человека; поэтому эротика «вторжения в лоно», эротика омужения, пронизывается памятью об «исторжении», нежною тайною сыновства. Это – чистый род; и немецкая женщина сейчас – наиболее чистая из всех средневропейских женщин⁵⁴.

Но возвращаюсь к своему Хеппенхейму.

Тут мне надо расстаться с Bergstrasse, свернуть на проселочную дорогу и, миновав Лорш⁵⁵ и Бюркштадт⁵⁶, прийти в Вормс – первую большую остановку намеченного мною странствия. Но «пульс» моего хождения уже сильно ослаб. Я устала, зашибла ногу, изнемогла от обилия впечатлений. Да и ночевать ни в Лорше, ни в Бюркштадте было негде. Оттого-то, чтоб попасть еще к вечеру в Вормс, я решила сесть в поезд.

А вечер уже наступал. Солнце стояло косо; над широкими желто-зелеными далями реяла птица, взмыв крылом, как парусом, а другое спустив вдоль тела. Вокзал – очень маленький – стоит на ровном месте и кажется пустынным, город лежит далеко сзади. Две крестьянки, присевшие рядом со мною, считают деньги, для чего подняли широчайшие черные юбки и достали из невидимого кармана нижней юбки по увесистому старенькому кошельку из недубленой кожи. Свежий ветер опять напоминает мне что-то – «навевает», по великолепному русскому выражению; я отдаюсь розово-голубому очарованию Гессена и силюсь разгадать это осо-

⁵⁴ Здесь М. Шагинян по-своему развивает гётевское понятие «вечной женственности», восходящее к заключительным строкам II части Фауста: «Вечная женственность влечет нас ввысь». У позднего Гёте эта формула связана не с конкретным женским образом, а с метафизическим принципом духовного преображения. В немецкой философской и литературной традиции XIX–XX веков «вечная женственность» интерпретировалась как мистико-христианский образ Софии и благодати, как символ творческой и жизненной стихии, соединяющей чувственное и духовное (Георг Зиммель, Томас Манн). Для символистов и мыслителей Серебряного века формула Гёте имела особое значение в связи с софиологией и идеей «Вечной Женственности» у Вл. Соловьёва, позднее – у А. Белого, А. Блока, Вяч. Иванова и представителей русской религиозной философии начала XX века.

⁵⁵ Лорш (нем. Lorsch) – старинный город в Гессене, прежде всего известен бывшим имперским бенедиктинским монастырем и аббатством Лорш, основанным в VIII веке.

⁵⁶ Бюркштадт (нем. Bürstadt) – небольшой город в Гессене, расположенный в Рейнской низменности между Вормсом и Лампертхаймом.

бое германско-европейское «наведение»; сквозь него мне чувствуются вздохи Эллады; значит ли это, что Европа объективируется, отмирает, переходит в воспоминание?

Меж Хеппенхеймом и Вормсом ходят через Лорш (старинное средневековое аббатство, бывшее рассадником культуры) чистенькие игрушечные вагоны с широкими окнами; паровоз тоже игрушечный, ползет задом наперед, пыхтит со смешным усердием и кажется маленьким *parvenu* в мире машин. Я влезая в четвертый класс, причем чья-то услужливая рука, оттуда высунувшаяся, ловко подхватывает мой рюкзак, а потом и меня самое.

Поезд идет меж розовыми полями, свистя тоненьким свистом, словно продолжая песенку ветра о прошлом; прошлое встает над травами сыростью, пронзает глянцем из убегающих узких канавок, попахивает холодом повечерья; внезапно мелькает мысль: так ранящее душу «прошлое» – не есть ли *будущее*? Было ли оно, будет ли оно? Или оно постоянно стоит возле нас, качаясь то назад, то вперед, переводя воспоминание в предчувствие и потухая, как только мы станем догадываться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.